

ISSN 1998-0817

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета
имени Н.А. Некрасова

2

2016

ВЕСТНИК
КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
имени Н.А. НЕКРАСОВА

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Выходит с 1995 года

2016 **Том 22**

№ 2
Март – Апрель

V E S T N I K
OF NEKRASOV
KOSTROMA
STATE UNIVERSITY

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL JOURNAL
Appears since 1995

2016 **Volume 22**

№ 2
March – April

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В ПЕРЕЧЕНЬ РЕЦЕНЗИРУЕМЫХ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ,
В КОТОРЫХ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОПУБЛИКОВАНЫ ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДИССЕРТАЦИЙ
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА НАУК,
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА НАУК

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ (РИНЦ)
С 2003 ГОДА

16+

ISSN 1998-0817

О РЕЛИГИОЗНЫХ МОТИВАХ В «ВОЙНЕ И МИРЕ» Л.Н. ТОЛСТОГО

В своих религиозно-философских трактатах поздней Толстой, вступивший на путь беспощадной полемики с официальной церковью, отрицал божественное происхождение Иисуса Христа, сомневался в бессмертии человеческой души, произвольно извлекал из четырёх Евангелий лишь заповеди Спасителя, подвергая их весьма вольной трактовке. Фактически он сам отлучил себя от церкви, а Святейший Синод своим постановлением 1901 года лишь подтвердил уже состоявшийся факт.

Но Толстой-художник никогда не переставал любить жизнь высокой духовной любовью. И когда он воспринимал мир глазами художника, влюблённого в жизнь, многие религиозные умствования отступали или подвергались невольному сомнению. На эту особенность творчества Толстого обратил внимание Н.Н. Страхов. В статье раскрыты христианские мотивы в освещении Толстым эволюции характера князя Андрея, центрального героя романа-эпопеи «Война и мир».

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, роман «Война и мир», катафатическое богопознание, христианский пантеизм, духовные искания героя, национальные святыни, христианская любовь.

В художественных произведениях Толстой часто выходил за пределы своего «толстовства». Н.Н. Страхов писал ему 16–23 ноября 1875 года: «Вы не моралист, Вы истинный художник; но нравственное мирозерцание всегда отзывается в художественных произведениях, и я с изумлением и радостью вникаю в Ваши образы, следя за этим мирозерцанием. Может быть, я скажу Вам то, что Вы сами не осознаёте. Отвлечённые нравственные правила всегда узки и одно сторонни, и в Ваших созданиях выражается гораздо больше, чем кто-нибудь (даже Вы сами) можете формулировать отвлечённым языком» [2, с. 69].

Когда после духовного перелома Толстой обратился к религиозно-философским писаниям, он на собственном опыте пережил непреодолимый конфликт между живой (литературной) и отвлечённой (философской) мыслью. 2 марта 1891 года Софья Андреевна Толстая записала в своём дневнике: «... Лёвочка грустен, я спросила: “Почему?” Он говорит: “Не идёт писание...” – “О чём?” – “О непротивлении”».

Ещё бы шло! Этот вопрос всем и ему самому оскомину набил и перевернут и обсужден он уже со всех сторон. Ему хочется художественной работы, а приступить трудно. Там резонёрство уже не годится. Как пойдёт из него поток правдивого, художественного творчества, – он его уже не остановит, а там вдруг непротивление окажется неудобным, а остановить поток невозможно, вот и страшно его пустить, а душа тоскует!» [8, с. 159].

Перечитывая «Войну и мир», Н.Н. Страхов обращался к Толстому 27 июля 1887 года: «Если бы я теперь писал свои статьи об Вас, то написал бы иначе. Я не видел тогда, что Вы уже тогда выступили мыслителем и нравоучителем, с полным мировоззрением, – так точно, как выступаете теперь. Если Вы давно не читали “Войны и мира”, то убедительно прошу и советую Вам – перечтите внимательно это первое полное выражение стрем-

лений Вашей души; Вы увидите, что, в сущности, они те же, что и теперь, и выражены часто с бесподобною силою и ясностью. Вы вывели на сцену целую толпу людей религиозных, Вы показали, как растёт и живёт в душе религия, и какую силу она даёт людям. Несравненная книга!» [2, с. 355].

Всю свою жизнь Толстой в художественных созданиях славословил Бога в Божьем творении. Это был признанный отцами церкви путь положительного или катафатического богопознания, утверждающего, что весь мир, всё существующее есть некий образ или подобие Божие. Дионисий Ареопагит утверждал: «Мы познаём Бога не из Его природы, которая непознаваема и превышает всякую мысль и разум, но из установленного Им порядка всех вещей, который содержит некие образы и подобия Божественных первообразов...» [9, с. 104]. Это созерцание в образах первообраза, изображённого в изображениях, созерцание Богоприсутствия в мире станет характерной приметой творчества Толстого.

Перед нами особый вид христианского пантеизма, далёкий от пантеизма языческого. «...В образцах христианской пантеистической лирики, – отмечает А.Г. Гачева, – явлено как бы предчувствие будущей “мировой гармонии”, взгляд с любовью обращён к животным, растениям, небу, стихиям дня и ночи, видит внутреннее родство всего сущего, сознаёт и собственную нерасторжимую связь с природой, которая в своих стихиях и тварях уже “не слепок, не бездушный лик”, но “В ней есть душа, в ней есть свобода, в ней есть любовь, в ней есть язык” (Тютчев)» [1, с. 88].

Вспомним, как в «Войне и мире» Толстой исподволь подводит князя Андрея к открытию религиозных ценностей жизни, которых он не понимал и к которым долго был пренебрежителен. Толстой показывает, что самонадеянность князя – родовая черта Болконских, связанная с вольтерьянством и атеизмом эпохи XVIII века. О равнодушии Ан-

дрия к национальной святыне говорит следующий эпизод в самом начале романа-эпопеи. Княжна Марья, обращаясь к уходящему на войну Андрею говорит: «Ты всем хорош, Andre, но у тебя есть какая-то гордость мысли... и это большой грех ... Andre, – сказала она робко после минуты молчания, – у меня к тебе есть большая просьба.

– Что, мой друг?

– Нет, обещаю тебе, что ты не откажешь. Это тебе не будет стоить никакого труда, и ничего недостойного тебя в этом не будет. Только ты меня утетишь. Обещай, Андрюша, – сказала она, сунув руку в ридикюль и в нём держа что-то, но ещё не показывая, как будто то, что она держала, и составляло предмет просьбы и будто прежде получения обещания в исполнении просьбы она не могла вынуть из ридикюля это *что-то*.

Она робко, умоляющим взглядом смотрела на брата.

– Ежели бы это и стоило мне большого труда... – как будто догадываясь, в чём было дело, отвечал князь Андрей.

– Ты что хочешь думай! Я знаю, ты такой же, как и топ реге. Что хочешь думай, но для меня это сделай. Сделай, пожалуйста! Его ещё отец моего отца, наш дедушка носил во всех войнах... – Она всё ещё не доставала того, что держала, из ридикюля. – Так ты обещаешь мне?

– Конечно, в чём дело?

– Andre, я тебя благословлю образом, и ты обещаю мне, что никогда его не будешь снимать... Обещаешь?

– Ежели он не в два пуда и шеи не оттянет... Чтобы тебе сделать удовольствие... – сказал князь Андрей, но в ту же секунду, заметив огорчённое выражение, которое приняло лицо сестры при этой шутке, он раскаялся. – Очень рад, право, очень рад, мой друг, – прибавил он» [4, с. 136–137].

В самом начале романа Андрей предстаёт перед нами человеком самодовольным, чётко определившим свою цель и верящим в свою звезду. Его кумиром является Наполеон. К национальным ценностям и святыням он относится иронически. Князь не шадит религиозные чувства сестры и часто бывает с нею грубоват и неловок.

Мечтая о славе, князь Андрей подчёркнуто обособляет себя от простых людей с их верованиями. В его душевном мире на протяжении всей кампании 1805 года назревает разрыв между горделивым полётом его мечты и реальными буднями воинской жизни. Тушин спас армию в Шенграбенском сражении, логически князь это понимает. Но сердечным своим существом он не может признать в Тушине героя: очень уж скромный, невзрачный и прост этот «капитан без сапог», спотыкающийся о древко взятого в плен у французов знамени.

Вот князь едет в штаб, окрылённый своим проектом спасения армии. Но в глаза ему бросается

беспорядок и неразбериха, царящие в войсках. К нему обращается лекарская жена с просьбой защитить её от притеснений обозного офицера. Он вступается, восстанавливает справедливость, но испытывает при этом оскорбительное для своей гордыни чувство: едет спасать армию, а спасает лекарскую жену. Этот контраст настолько мучителен, что князь с озлоблением смотрит на солдатскую жизнь: «Это толпа мерзавцев, а не войско» [4, с. 210].

И когда в начале Аустерлицкого сражения наступает торжественно-радостная минута, он с благоговением смотрит на знамёна, официальные символы воинской славы, и бежит к своей мечте, к своему «Тулону» впереди всех со знаменем в руках.

Но и эта героическая минута наполняется впечатлениями, далёкими от «орлиных» полётов его мечты. Поверженный, с древком знамени в руках, он увидит над собой небо, «неизмеримо высокое, с тихо ползущими по нём серыми облаками». «Как тихо, спокойно и торжественно, совсем не так, как я бежал, – подумал князь Андрей, – не так, как мы бежали, кричали и дрались; совсем не так, как с озлобленными и испуганными лицами тащили друг у друга банник француз и артиллерист, – совсем не так ползут облака по этому высокому бесконечному небу. Как же я не видал прежде этого высокого неба? И как я счастлив, что узнал его наконец. Да! всё пустое, всё обман, кроме этого бесконечного неба» [4, с. 354].

И когда, обходя поле боя, перед князем Андреем остановился Наполеон, бывший кумир вдруг поблёк и съёжился, стал маленьким и тщедушным. «Ему так ничтожны казались в эту минуту все интересы, занимавшие Наполеона, так мелочен казался ему сам герой его, с этим мелким тщеславием и радостью победы, в сравнении с тем высоким, справедливым и добрым небом, которое он видел и понял, – что он не мог отвечать ему.

Да и всё казалось так бесполезно и ничтожно в сравнении с тем строгим и величественным строем мысли, который вызывали в нём ослабление сил от истёкшей крови, страдание и близкое ожидание смерти. Глядя в глаза Наполеону, князь Андрей думал о ничтожности величия, о ничтожности жизни, которой никто не мог понять значения, и о ещё большем ничтожестве смерти, смысл которой никто не мог понять и объяснить из живущих» [4, с. 369].

Он вспомнил княжну Марью, взглянув на образок, «который с таким чувством и благоговением навесила на него сестра». И «тихая жизнь, и спокойное семейное счастье в Лысых Горах представлялись ему. Он уже наслаждался этим счастьем, когда вдруг являлся маленький Наполеон с своим безучастным, ограниченным и счастливым от несчастья других взглядом, и начинались сомнения, муки, и только небо обещало успокоение» [4, с. 370].

Он вспомнил о жене, «маленькой княгине», и понял, что в своём пренебрежительном отношении к ней часто был несправедлив. Честолюбивые мечты сменились тягой к простой и тихой семейной жизни.

Именно таким, неузнаваемо подобранным, смягчённым, но глубоко разочарованным, возвращается князь Андрей из плена в родное гнездо. Но жизнь мстит ему за его гордость, за высокомерие и самонадеянность. В момент приезда умирает от родов жена, и князь Андрей читает на её застывшем лице вечный укор: «Он вошёл в комнату жены. Она мёртвая лежала в том же положении, в котором он видел её пять минут тому назад, и то же выражение, несмотря на остановившиеся глаза и на бледность щёк, было на этом прелестном, детском личике с губкой, покрытой чёрными волосиками. “Я вас всех люблю и никому дурного не делала, и что вы со мной сделали?” говорило её прелестное, жалкое, мёртвое лицо» [5, с. 45].

Всеми силами души князь пытается теперь овладеть простой жизнью, наполненной заботами о хозяйстве, о родных, об осиротевшем маленьком сыне. Есть трогательная человечность в опростившемся Андрее, когда он, сидя на стуле, капает капли в рюмку у постели больного ребёнка. И в то же время чувствуешь, что эта простота даётся ему с трудом. Князю кажется, что жизнь его кончена в тридцать один год, что сама сущность жизни жалка и ничтожна, что человек беззащитен и одинок.

Из тяжёлого душевного состояния пытается вывести Андрея Пьер. Он навещает друга в счастливую пору своей жизни. Пьер в зените увлечения новым вероучением, он нашёл смысл жизни в религиозной истине. Пьер убеждает князя Андрея, что его суждения безотрадны и грустны, потому что ограничены только земным миром и земным опытом. «Вы говорите, что не можете видеть царства добра и правды на земле. И я не видал его; и его нельзя видеть, ежели смотреть на нашу жизнь как на конец всего. На *земле*, именно на этой земле (Пьер указал в поле), нет правды – всё ложь и зло; но в *мире*, во всём мире есть царство правды, и мы теперь дети земли, а вечно – дети всего мира. Разве я не чувствую в своей душе, что я составляю часть этого огромного, гармонического целого? Разве я не чувствую, что я в этом бесчисленном количестве существ, в которых проявляется божество, – высшая сила, – как хотите, – что я составляю одно звено, одну ступень, от низших существ к высшим? Ежели я вижу, ясно вижу эту лестницу, которая ведёт от растения к человеку... отчего же я предположу, что эта лестница прерывается со мною, а не ведёт всё дальше и дальше до высших существ. Я чувствую, что я не только не могу исчезнуть, как ничто не исчезает в мире, но что я всегда буду и всегда был» [5, с. 123].

«Ежели есть Бог и есть будущая жизнь, то есть истина, есть добродетель; и высшее счастье чело-

века состоит в том, чтобы стремиться к достижению их. Надо жить, надо любить, надо верить, – говорил Пьер, – что живём не нынче только на этом клочке земли, а жили и будем жить вечно там, во всём (он указал на небо)» [5, с. 124].

Андрей слушает эти восторженные и сбивчивые доказательства Пьера и спорит с ними. Но происходит парадоксальная вещь. Взгляд его оживляется тем более, чем безнадежнее становятся его суждения. Логический смысл слов и фраз князя начинает расходиться с тем внутренним состоянием, которое он переживает. Упорно доказывая Пьеру, что разобщённость между людьми неизбежна, Андрей самым фактом высказывания этих мыслей опровергает их правоту. Логически расходясь с Пьером в этом споре, душевно князь всё более и более сближается с ним. Поверх логики спора между друзьями происходит живое общение. И когда в разгаре спора Пьер восклицает: «Вы не должны так думать!» – «Про что я думаю?» – неожиданно спрашивает Андрей. Он живёт уже не тем, что выражают его слова [5, с. 121].

«Князь Андрей не отвечал. Коляска и лошади уже давно были выведены на другой берег и заложены, и уж солнце скрылось до половины, и вечерний мороз покрывал звёздами лужи у перевоза, а Пьер и Андрей, к удивлению лакеев, кучеров и перевозчиков, ещё стояли на пароме и говорили» [5, с. 124]. А «выходя с парома», Андрей «поглядел на небо, на которое указал ему Пьер, и в первый раз после Аустерлица он увидел то высокое, вечное небо, которое он видел, лежа на Аустерлицком поле, и что-то давно заснувшее, что-то лучшее, что было в нём, вдруг радостно и молодо проснулось в его душе» [5, с. 124].

И когда Андрей заезжает потом в Отрадное по своим делам, он лишь внешне тот же, разочарованный и одинокий. По пути в Отрадное князь видит старый дуб, оголённый, корявый посреди свежей весенней зелени. «Таков и я», – думает он, глубоко ошибаясь: и дуб уже напитан изнутри живыми весенними соками, и Андрей пробуждён к возрождению свиданием с Пьером.

Довершает обновление встреча с Наташей и негласное общение с нею лунной ночью в Отрадном. На обратном пути князь с трудом узнаёт старый дуб, позеленевший и помолодевший, и новое ощущение жизни охватывает его: «Нет, жизнь не кончена в тридцать один год, – вдруг окончательно, бесприменно решил князь Андрей. – Мало того, что я знаю всё то, что есть во мне, надо, чтоб и все знали это: и Пьер, и эта девочка, которая хотела улететь в небо, надо, чтобы все знали меня, чтобы не для одного меня шла моя жизнь, чтобы не жили они так, как эта девочка, независимо от моей жизни, чтобы на всех она отражалась и чтобы все они жили со мною вместе!» [5, с. 165].

Если раньше, под небом Аустерлица, он мечтал жить для других, *отделяя себя* от них, то теперь

в нём проснулось желание жить *вместе с другими*. И князь покидает деревенское уединение, уезжает в Петербург, попадает в круг Сперанского, принимает участие в разработке проекта отмены крепостного права. Жизнь зовёт его к себе с новой силой, но, верный своему характеру, Андрей вновь увлечён деятельностью высших сфер, где планы, проекты и программы горделиво летят поверх сложной и запутанной жизни.

Вначале Андрей не ощущает искусственности тех интересов, которыми одержим кружок Сперанского, он боготворит этого человека. Но является Наташа на первый свой бал. Встреча с нею освежает и очищает душу, проясняет призрачность и фальшь Сперанского и придуманных им реформ. Он «приложил права лиц, которые распределял по параграфам», к своим мужикам, к Дрону-старосте, и ему «стало удивительно, как он мог так долго заниматься такой праздной работой» [5, с. 219].

Князь влюблён и, казалось бы, близок к счастью. Но сразу же предчувствуется и невозможность его. В Отрадном Андрей решил жить «вместе со всеми». Но практика такой жизни даётся ему с трудом. Простота, доверчивость, открытость – все эти качества не под силу его гордому характеру. Не только Наташе загадочен Андрей, но и для Андрея Наташа – загадка. Полное непонимание её он сразу же обнаруживает, отсрочив свадьбу на один год. Какую пытку придумал он для девушки, у которой живой любовью должно быть наполнено каждое мгновение! Своей отсрочкой он спровоцировал катастрофу.

Верный своему гордому характеру, он не смог потом и простить Наташе ошибку. Князь и в мыслях не допускал, что у его любимой невесты могла быть своя, независимая от его расчётов и не похожая на его интеллектуальные замеры жизнь. Князь вообще не обладает даром, которым щедро наделён Пьер, – даром чувствовать чужое «я», проникаться заботами и душевными переживаниями другого человека.

Однако 1812 год многое изменит в Андрее. В разграбленных Лысых Горах он сталкивается с крестьянскими девочками, набравшими в подолы зелёных слив из барской оранжереи. «Князь Андрей испуганно-поспешно отвернулся от них, боясь дать заметить им, что он их видел. <...> Новое, отрадное и успокоительное чувство охватило его, когда он, глядя на этих девочек, понял существование других, совершенно чуждых ему, но столь же законных человеческих интересов, как и те, которые занимали его» [6, с. 130].

В разговоре с Пьером накануне Бородинского сражения князь Андрей глубоко осознаёт народный характер этой войны. «Поверь мне, – говорит он Пьеру, – что ежели бы что зависело от распоряжений штабов, то я бы был там и делал бы распоряжения, а вместо того я имею честь служить здесь, в

полку вот с этими господами, и считаю, что от нас действительно будет зависеть завтрашний день, а не от них... Успех никогда не зависел и не будет зависеть ни от позиции, ни от вооружения, ни даже от числа; а уж меньше всего от позиции». – «А от чего же?» – «От того чувства, которое есть во мне, в нём, – он указал на Тимохина, – в каждом солдате» [6, с. 215].

Далеко ушёл князь Андрей от своих горделивых представлений о творческих силах истории. Если под небом Аустерлица он служил в штабе армии, принимал участие в составлении планов и диспозиций, то теперь он становится боевым офицером, считая, что исход сражения зависит от духа войск, от настроения простых солдат.

Однако стать таким, как они, породниться душою с простыми солдатами князю Андрею не суждено. Не случайно разговору его с Пьером предпослан такой эпизод: в разграбленных Лысых Горах, в жаркий день, князь остановился на плотине пруда. «Ему захотелось в воду – какая бы грязная она ни была». Но, увидев голые, барахтавшиеся в пруду солдатские тела, князь брезгливо морщится. И напрасно Тимохин зовёт его в воду: «То-то хорошо, ваше сиятельство, вы бы изволили!.. Мы сейчас очистим вам» [6, с. 131]. Солдаты, узнав, что «наш князь» хочет купаться, заторопились из воды. Но Андрей поспешил их успокоить: он придумал лучше облиться в сарае, «вздрагивая не столько от холода, сколько от самому ему непонятного отвращения и ужаса при виде этого огромного количества тел, полоскавшихся в грязном пруде» [6, с. 132].

Князь не может переступить через те барьеры, которые легко преодолевает Пьер. После батареи Раевского, после ужасов смерти и разрушения Пьер не может выйти «из тех страшных впечатлений, в которых он жил этот день». Он падает на землю и теряет ощущение времени. Между тем солдаты, притащив сучья, помещаются возле него и разводят костёр. Вопреки всему жизнь продолжается, и мирными хранителями её вечных основ оказываются не господа, а люди из народа. ««Что ж, поешь, коли хочешь, кавардачку!» – сказал солдат и подал Пьеру, обливав её, деревянную ложку. Пьер подсел к огню и стал есть кавардачок, то кушанье, которое было в котелке и которое ему казалось самым вкусным из всех кушаний, которые он когда-либо ел» [6, с. 301].

В роковую минуту смертельного ранения князь Андрей испытывает последний, страстный и мучительный порыв к жизни земной: «совершенно новым завистливым взглядом» он смотрит «на траву и полынь» [6, с. 262]. И потом, уже на носилках, он подумает: «Отчего мне так жалко было расставаться с жизнью? Что-то было в этой жизни, чего я не понимал и не понимаю» [6, с. 264].

Толстой подводит князя Андрея к открытию религиозных ценностей жизни, которых он не пони-

мал. Смертельно раненный, князь находит в финале романа радостную и неожиданную способность простить своего обидчика, узнав «в несчастном, рыдающем, обессилевшем человеке, которому только что отняли ногу», Анатоля Курагина.

«В чём состоит связь этого человека с моим детством, с моею жизнью? – спрашивал он себя, не находя ответа. И вдруг новое, неожиданное воспоминание из мира детского, чистого и любовного, представилось князю Андрею. Он вспомнил Наташу такую, какую он видел её в первый раз на бале 1810 года, с тонкой шеей и тонкими руками с готовым на восторг, испуганным, счастливым лицом, и любовь и нежность к ней, ещё живее и сильнее, чем когда-либо, проснулись в его душе. Он вспомнил теперь ту связь, которая существовала между им и этим человеком, сквозь слёзы, наполнявшие распухшие глаза, мутно смотревшим на него. Князь Андрей вспомнил всё, и восторженная жалость и любовь к этому человеку наполнили его счастливое сердце.

Князь Андрей не мог удерживаться более и заплакал нежными, любовными слезами над людьми, над собой и над их и своими заблуждениями.

“Сострадание, любовь к братьям, к любящим, любовь к ненавидящим нас, любовь к врагам – да, та любовь, которую проповедовал Бог на земле, которой меня учила княжна Марья и которой я не понимал; вот отчего мне жалко было жизни, вот оно то, что ещё оставалось мне, ежели бы я был жив. Но теперь уже поздно. Я знаю это!”» [6, с. 267. Курсив мой. – Ю. Л.].

В полубреду князь Андрей просит у доктора достать ему книгу. «Какую книгу?» – «Евангелие! У меня нет». «Он всё говорил о том, чтобы ему достали поскорее эту книгу и подложили бы её туда. – “И что это вам стоит! – говорил он. – У меня её нет, – достаньте, пожалуйста, подложите на минуточку”, – говорил он жалким голосом» [6, с. 396–397].

Подчиняясь спасительному чувству духовной любви к Богу и людям, князь Андрей впервые осознал свою жестокость по отношению к Наташе: «“Любя человеческой любовью, можно от любви перейти к ненависти; но божеская любовь не может измениться. Ничто, ни смерть, ничто не может разрушить её. Она есть сущность души. А сколь многих людей я ненавидел в своей жизни. И из всех людей никого больше не любил я и не ненавидел, как её”. И он живо представил себе Наташу не так, как он представлял себе её прежде, с одною её прелестью, радостной для себя; но в первый раз представил себе её душу. И он понял её чувство, её страданья, стыд, раскаянье. Он теперь в первый раз понял всю жестокость своего отказа, видел жестокость своего разрыва с нею. “Ежели бы мне было возможно только ещё один раз увидеть её. Один раз, глядя в эти глаза, сказать...”»

И пити-пити-пити и ти-ти, и пити-пити – бум, ударились муха... И внимание его вдруг перенеслось в другой мир действительности и бреда, в котором что-то происходило особенное. Всё так же в этом мире всё воздвигалось, не разрушаясь, здание, всё так же тянулось что-то, так же с красным кругом горела свечка, та же рубашка-сфинкс лежала у двери; но, кроме всего этого, что-то скрипнуло, пахнуло свежим ветром, и новый белый сфинкс, стоячий, явился пред дверью. И в голове этого сфинкса было бледное лицо и блестящие глаза той самой Наташи, о которой он сейчас думал. “О, как тяжёл этот непрерывающийся бред!” – подумал князь Андрей, стараясь изгнать это лицо из своего воображения. Но лицо это стояло пред ним с силою действительности, и лицо это приближалось. Князь Андрей хотел вернуться к прежнему миру чистой мысли, но он не мог, и бред втягивал его в свою область. Тихий шепчущий голос продолжал свой мерный лепет, что-то давило, тянулось, и странное лицо стояло перед ним. Князь Андрей собрал все свои силы, чтобы опомниться; он пошевелился, и вдруг в ушах его зазвенело, в глазах помутилось, и он, как человек, окунувшийся в воду, потерял сознание. Когда он очнулся, Наташа, та самая живая Наташа, которую изо всех людей в мире ему более всего хотелось любить той новой, чистой божеской любовью, которая была теперь открыта ему, стояла перед ним на коленях» [6, с. 399].

Но духовная («божеская») любовь князю в руки не даётся. Как только Наташа появляется перед ним, пробуждается ревность к сопернику Анатолю. Князь Андрей снова чувствует, что не в силах простить его. Глубоко символично, что под Аустерлицем князю открылось отрешённое от жизни голубое небо, а под Бородином – близкая, но не дающаяся ему в руки земля, завистливый взгляд на неё.

Повествование в «Войне и мире» идёт так, что описание последних дней князя Андрея перекликается с жизнелюбивой сущностью духовной любви Платона Каратаева. Чувство связи со всеми, всепрощающую христианскую любовь Андрей испытывает лишь на мгновение, когда, смертельно раненный, он отрешается от жизни. И наоборот, едва лишь в нём пробуждается чувство любви к Наташе, втягивающее его в земную жизнь, как мгновенно исчезает у Андрея милосердие и прощение.

Каратаев, напротив, «любил и любовно жил со всем, с чем его сводила жизнь, и в особенности с человеком – не с известным каким-нибудь человеком, а с теми людьми, которые были у него перед глазами» [7, с. 56]. И «жизнь его, как он сам смотрел на неё, не имела смысла как отдельная жизнь. Она имела смысл только как частица целого, которое он постоянно чувствовал» [7, с. 56]. Что-то приятное и успокоительное видит Пьер в его размеренных «круглых» движениях, в его обстоятельной крестьянской домовитости, в его умении свить

себе гнездо при любых обстоятельствах жизни. Но главное, что покоряет Пьера, – это любовное отношение к миру: «“А много нужды увидали, барин? А?” – сказал вдруг маленький человек. И такое выражение ласки и простоты было в певучем голосе человека, что Пьер хотел отвечать, но у него задрожала челюсть, и он почувствовал слёзы» [7, с. 50].

Исцеляющее влияние Каратаева на израненную душу Пьера скрыто в особом даре любви. Эта любовь без примеси эгоистического чувства, любовь христианская: «Э, соколик, не тужи, – сказал он с той нежно-певучей лаской, с которой говорят старые бабы. – Не тужи, дружок: час терпеть, а век жить!» [7, с. 51].

Примечательна легенда Каратаева о купце, безвинно пострадавшем и скончавшемся на каторге. Купец принимает незаслуженное, по человеческим понятиям, наказание с христианским смирением: «Стали старичка спрашивать: ты за что, мол, дедушка, страдаешь? Я, братцы мои миленькие, говорит, за свои да за людские грехи страдаю. А я ни душ не губил, ни чужого не брал, акромья что нищую братию оделял. Я, братцы мои миленькие, купец; и богатство большое имел. Так и так, говорит... Я, говорит, о себе не тужу. Меня, значит, Бог сыскал» [7, с. 166].

Общение с Платоном Каратаевым приводит Пьера к более глубокому пониманию смысла жизни: «прежде разрушенный мир теперь с новой красотой, на каких-то новых и незыблемых основах, воздвигался в его душе» [7, с. 54]. Не сама легенда о безвинно страдающем купце, «но таинственный смысл её, та восторженная радость, которая сияла в лице Каратаева при этом рассказе, таинственное значение этой радости, это-то смутно и радостно наполняло теперь душу Пьера» [7, с. 167].

И вот переживание последних минут жизни у князя Андрея и Каратаева. Умиравший князь чувствует полную отчуждённость от окружающих его людей. «В глубоком, не из себя, но в себя смотревшем взгляде была почти враждебность, когда он медленно оглянул сестру и Наташу. <...> В словах, в тоне его, в особенности во взгляде этом – холодном, почти враждебном взгляде – чувствовалась

страшная для живого человека отчуждённость от всего мирского» [7, с. 63].

Совершенно иное чувство переполняет умирающего православного мужика Платона. «Каратаев в своей шинельке сидел, прислонившись к берёзе. В лице его, кроме выражения вчерашнего радостного умиления при рассказе о безвинном страдании купца, светилось ещё выражение тихой торжественности. Каратаев смотрел на Пьера своими добрыми, круглыми глазами, подёрнутыми теперь слезою, и, видимо, подзывал его к себе, хотел сказать что-то» [7, с. 168].

Земля, к которой потянулся князь Андрей в роковую минуту, так и не далась ему в руки, уплыла, оставив в его душе чувство тревожного недоумения, неразгаданной тайны. Восторжествовало величественное, отрешенное от земной жизни небо, и вместе с ним наступила смерть. Князь Андрей умер не только от раны. Смерть вызвана особенностями его характера и положения в мире людей. Его поманили, позвали к себе, но ускользнули, оставшись недостижимыми, те духовные ценности, которые разбудил в русских людях 1812 год.

Библиографический список

1. *Гачева Анастасия*. «Нам не дано предугадать, Как слово наше отзовется...». Достоевский и Тютчев. – М., 2004. – 840 с. – С. 88.
2. Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. – СПб.: Типография Б.М. Вольфа, 1913. – 458 с. – С. 355.
3. *Толстой Л.Н.* Собр. соч.: в 22 т. – Т. 4. – М.: Худ. лит., 1979. – 400 с.
4. *Толстой Л.Н.* Собр. соч.: в 22 т. – Т. 5. – М.: Худ. лит., 1980. – 429 с.
5. *Толстой Л.Н.* Собр. соч.: в 22 т. – Т. 6. – М.: Худ. лит., 1980. – 447 с.
6. *Толстой Л.Н.* Собр. соч.: в 22 т. – Т. 7. – М.: Худ. лит., 1981. – 431 с.
7. *Толстая С.А.* Дневники. – Т. 1. – М.: Художественная литература, 1978. – 470 с.
8. *Флоровский Г.В.* Восточные Отцы V–VIII веков. – М.: Умса-Press, 1992. (Репринтное воспроизведение издания 1933 года.) – 240 с.